

УДК 811.124'37

М. П. Алексеева, Е. Г. Басалаева

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: ifmip@nspsu.net

**МЕСТО И РОЛЬ ЭКСПРЕССИВНЫХ ЕДИНИЦ
В СТРУКТУРАЦИИ МИКРОСИСТЕМЫ АНТРОПОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА)**

Рассматриваются экспрессивные лексические единицы, вовлеченные в микросистему антропонимов латинского языка. Проанализированы структурно-семантические особенности номинаций лиц, выявлены их некоторые национально-специфические черты.

Ключевые слова: антропонимы, экспрессивная лексика, семная и семантическая структура слова, коннотация, метафора, гиперо-гипонимические отношения, античная языковая картина мира.

Объект данной статьи – латинские экспрессивные антропонимические лексемы и устойчивые сочетания, репрезентирующие один из важнейших фрагментов античной языковой картины мира (далее – АЯКМ). В понимании экспрессивов мы опираемся на теоретические положения, фундаментально разработанные Н. А. Лукьяновой (см.: [1976; 1986; 1991; 2008; 2011] и др.), В. И. Шаховским [1987], Т. А. Трипольской [1985; 1999] и мн. др.

Основополагающей для нашего анализа является теоретическая концепция Н. А. Лукьяновой о трехкомпонентной структуре семантики экспрессивных единиц, включающей «эмотивность или эмотивную оценку; интенсивность, отражающую представление говорящих о высокой степени проявления некоторого признака реального или воображаемого предмета, явления, действия, состояния; образность, на лексическом уровне воплощающую представление (образ) об определенном предмете» [2008. С. 7–8].

Эта концептуальная установка дает возможность исследователю увидеть «gradus» на шкале экспрессивности, сильную или слабую степень ее проявления в семантике экспрессивно ориентированного слова. В этом случае импонируют утверждения Н. А. Лукья-

новой о возможном совмещении в семантической структуре экспрессива собственно номинативного и экспрессивного значений [1986. С. 45–65], о зыбкости границы между экспрессивными и неэкспрессивными образными номинациями [2011. С. 16].

Чрезвычайно важным для нашего исследования является и аргументированное мнение ученого о том, что когнитивные механизмы порождения экспрессивных номинаций в прошлом и современные в принципе одни и те же, и два основных из них – это семантическая и словообразовательная метафоризация [Там же]. Поэтому обращение к античности, на наш взгляд, позволит выявить универсальные и специфические средства формирования АЯКМ, в частности семиотические модели ее базовых фрагментов: человек, его важнейшие характеристики, эксплицированные в антропонимических единицах.

Вслед за А. А. Уфимцевой, мы придерживаемся широкого понимания термина «антропонимы» как «имен лиц, обозначающих человека в его многосторонних отношениях к предметам и вещам реального мира, к обществу – к его различным институтам, ко всем сферам умственной и психической деятельности человека, характеризую-

мого со стороны физических, психических свойств, этических и нравственных норм» [1988. С. 126].

В языковой картине мира (включая и античную) каждая из сфер бытия человека, человеческой деятельности, сфер проявления отношений, его качеств и пр. представлена лексико-тематическими группами, внутри которых можно выделить семантические поля и микрополя. Согласно типологии полей Ч. Филлмора [1983], первичным и основным типом семантических отношений антропонимов являются гиперо-гипонимические (родо-видовые и партонимические). Такая структурная организация антропонимов определяется прежде всего наличием в их семантике общих категориальных признаков конкретности, одушевленности, лица, исчисляемости, а также общего денотативно-сигнификативного типа их знакового значения. Это значение складывается из совокупности определенных конститутивных признаков, формирующих логико-дедуктивное понятие и лежащих в основе прямого номинативного значения слов данного класса. Например, невозможно представить себе человека без таких универсальных определяющих его характеристик, как пол, возраст и пр., входящих в качестве конститутивных семантических признаков в семный состав ЛЗ номинантов *femina* 'женщина', *vir* 'мужчина', *senex* 'старик', *juvenis* 'юноша', *infans* 'ребенок' и т. д.

По мнению А. А. Уфимцевой, именно лексемы, называющие данные природные характеристики человека, обладают большей степенью конкретности денотативного типа значения и свойственны любой языковой общности, только средства их выражения варьируются от языка к языку [Уфимцева, 1988. С. 127–128]. Но далее автор отмечает, что определенные звенья гиперо-гипонимической структуры антропонимов «являются типичными именами с относительным характером семантики, тяготеющими к разряду абстрактных, признаковых имен» [Там же. С. 128].

В связи с этим актуальным видится дифференцированное осмысление каждого звена гиперо-гипонимической структуры антропонимов с точки зрения вовлечения их в зону экспрессивности или в отдельный ее участок, «страт»: эмотивно-оценочность, интенсивность /чрезмерность/, образность.

Опираясь на материалы латинских лексикографических источников (см.: [Дворецкий, 1976]), мы провели примерную структуризацию латинских антропонимов, проанализировали гиперо-гипонимические звенья с точки зрения экспрессивного потенциала единиц и механизмов их формирования, степени заряженности экспрессивностью номинантов человека.

Анализ показал, что самую высокую позицию на шкале экспрессивности занимают номинанты, характеризующие человека **по наклонностям, интеллекту, личностным, морально-нравственным качествам, поведению в обществе** и т. п. Экспрессивно-эмоциональная установка уже заложена в семантике таких единиц, т. е. уже сама номинация может быть экспрессивной, эмоционально-оценочной. Как правило, в латинском языке антропонимы с высоким зарядом экспрессивности формируют лексико-семантические группы с преимущественно ядерным компонентом 'плохой', 'не соответствующий нормам'. Рассмотрим более подробно антропонимы данного звена гиперо-гипонимической структуризации.

В составе данной группы лексем нами выделены следующие подгруппы:

1) номинации лиц по характерным социальным чертам, социальным оценкам, социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям.

К данной группе относятся экспрессивы, в ЛЗ которых, как правило, наблюдается своего рода «семное размножение», сопровождающееся совмещением двух семантико-характеризующих признаков – рационально-оценочного и эмоционально-оценочного. Примерами данной группы могут послужить лексические единицы с ядерными семами в ЛЗ 'негодяй', 'мошенник', 'жулик' и под. Ср.: *furcifer* 'мошенник, негодяй, бездельник'; *mastigia* 'мошенник, негодяй'; *mufrius* 'мошенник, шарлатан'; *nebulo* 'бездельник, негодяй, мошенник'; *subalapa* 'негодяй, мошенник'; *scelio* 'злодей, нечестивец, негодяй'; *verbero* 'заслуживающий палки, негодяй' и пр. Большинство примеров данной группы содержат оценочный компонент в первичном, исходном значении. Менее частотны случаи метафорического, метонимического переосмысления единиц или сочетаний фразеологизированного типа и вовлечение их в

зону эмотивно-окрашенных экспрессивов. Ср.: *carnifex* '1) палач, 2) мучитель, изверг, негодяй'; *gabalus* '1) крест, виселица 2) висельник, негодяй'; *convicium* '1) громкое неодобрение, 2) позор (семьи), выродок, негодяй'; *flagrantia* 'страсть, пламя, пыл', *flagitii flagrantia* 'отъявленный негодяй' и пр. Таким образом, в данном ряду сема 'негодяй' становится поливалентной, аксиологически синкретичной: для человека античного мира в концептосфере «негодяй» сопряжены такие социально оцениваемые качества и действия человека, как мошенничество, нечестность, злодейство, позор семьи, жульничество, осквернение святыни, насилие, крайняя жестокость, подлость, безделье и пр.

2) лексемы, характеризующие лицо по интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, психологическому свойству, качеству, по поведению.

Данная группа слов отличается лексическим многообразием и семантической плотностью. Можно выделить следующие наиболее частотные микрогруппы с ядерными семами:

- 'глупый человек': *barcala* 'дурак, болван'; *baceolus* 'дурак, болван, глупец'; *gerro* 'ротозей, глупец'; *dēmēns* 'безумец, глупец'; *fatua* 'придурковатая женщина, слабоумная, т.ж. шутиха'; *baro* 'простофиля, простак или увалень'; *cicūlus* 'простофиля, глупец'; *taccus* 'простофиля, дурачок'; *mōrio* 'глупец, дурак или шут'; *varo* 'простофиля, дурень' и др. Как показывают примеры, сема 'глупость' практически всегда оказывается сопряженной с такими смыслами, как 'простота', 'шутовство', 'безумие' и пр.;

- 'лживый человек': *fābulo* 'сплетник, лжец'; *circumscriptor* 'обманщик, плут'; *circumventor* 'обманщик'; *dēceptor* 'обманщик'; *falsus* 'лгун, лжец, обманщик, лицемер'; *praestigiātor* 'фокусник, обманщик' и пр.;

- 'ленивый человек': *umbrāticolus* 'пребывающий в тени, т. е. бездельник, лентяй'; *nebulo* 'бездельник, негодяй, мошенник' и пр.;

- 'болтливый человек': *balatro* 'балагур, болтун, крикун'; *garrītor* 'болтун'; *lingulāsa* 'болтун, болтушка'; *locutor* 'болтун, краснобай' и пр.;

- 'обжора': *estrix* 'прожорливая женщина, обжора'; *glutto* 'обжора', *gulo* 'лакомка, обжора, гурман'; *gumia* 'обжора, лакомка';

- lurco* 'обжора, кутила, расточитель, мот'; *mando* 'обжора, лакомка'; *patinārius* 'обжора' и пр.;

- 'человек, пристрастный к пьянству': *pōtātor* 'бражник, кутила, пьяница'; *madulsa* 'пьяница, пьянчужка', *ēbriōsus* 'пьяница'; *vīnolentus* 'пьяница' и пр.

- 'распутный человек': *limax* 'распутная женщина', *fornicārius* 'развратник'; *lastaurus* 'распутник, развратник'; *moechus* 'развратник, прелюбодей'; *scortator* 'развратник, распутник'; *scortum* 'развратник, развратница'; *meretricula* 'убогая блудница, жалкая проститутка'; *alicaria* 'жалкая продажная женщина (питающаяся одной полбой)' и пр. В данной группе лексем наиболее явно представлена гендерная спецификация значений.

Как видим, многочисленность примеров антропонимов в разных группах обусловлена тем, что в латинском языке яркая мотивировка качества и степень спецификатора того или иного признака проявляются достаточно сильно благодаря прочным словообразовательным связям (достаточно большой процент слов имеет прозрачную внутреннюю форму).

3) слова, называющие человека по физическому, физиологическому, состоянию, свойству. Например, *portentum* 'чудовище; урод; выродок'; *monstrum* 'урод'; *pulchellus* 'ушон. красавчик, молодчик'; *mīrācula* 'на диво безобразная женщина'; *truo* 'пеликан, (о человеке) носач' и пр.

Говоря об антропонимах-экспрессивах в целом, можно выделить следующие их семантические особенности:

а) эмотивно-оценочная коннотация может быть свойственна слову в прямом значении, например: *trivenefica* 'бран. ведьма из ведьм', *cibicida* 'уш. дармоед' и пр.;

б) экспрессивная окраска формируется у вторичного ЛЗ в результате метафорометонимического переосмысления значения слова и вовлечения лексической единицы в зону антропонимов. В данном случае наиболее частотными являются следующие модели метафорометонимических трансформаций:

- наименования животных и птиц → человек: *asinus* '1) осел, 2) бран. глупый человек'; *cicūlus* '1) кукушка, 2) простофиля, глупец, 3) лодырь, лентяй (о крестьянах, которые медлят с полевыми работами до кокования, до весеннего равноденствия);

sīmia '1) обезьяна, 2) глупый подражатель'; *mūlus* '1) мул, 2) дурак, осел'; *ovis* '1) овца, 2) баран, дурень'; *vultur* '1) коршун, 2) хищник, ненасытный человек'; *natrix* '1) водная змея, 2) змея, злой человек'; *pullus* '1) детеныш, молодое животное, р. *milvinus* – птенец коршуна, жадный человек'; *pīca* '1) сорока, 2) болтуня'; *canis* '1) собака, пес, 2) бесстыдник, подхалим или злока'; *musca* '1) муха, 2) любопытный или назойливый человек'; *culex* '1) комар, мошка, 2) *бран.* назойливый (влюбленный) старикашка'; *turturilla* 'горlinka (об изнеженном мужчине)'; *līmāx* '1) слизняк, улитка, 2) *шутл.* распутная женщина'; *lupula* '1) маленькая волчица, 2) *бран.* колдунья, ведьма'; *feles* '1) кошка; редко куница, хорек, 2) вор, похититель' и др. Как видим, зооморфные метафоры эксплицируют национально-культурную специфику мировидения соответствующего народа, поскольку «...те знания о мире, которые лежат в основе метафор о животных, мало соотносятся с научными данными о реальном поведении животных» [Сандомирская, 1991. С. 127]. Цель таких метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл. С помощью метафорических номинаций своеобразному оцениванию в АЯКМ подвергались такие качества, свойства человека, как глупость, жадность, болтливость, подражательство, назойливость и пр.;

- предметный мир → человек: *matella* '1) ночной горшок, 2) старая развратница'; *matula* '1) горшок, 2) дурак, простофиля'; *ligula* '1) язычок, пластинка, 2) дурак'; *cruix* '1) крест, 2) напасть, висельник, душегуб, разбойник'; *harpago* '1) крюк (стеноломный или абордажный), 2) *бран.* хищник, живодер'; *vappa* '1) испортившееся (плохое) вино, 2) негодный человек, бездельник'; *maltha* '1) мальта, род горючего минерального масла или ископаемой смолы, 2) избалованный человек, неженка' и пр. Можно отметить, что семантические дериваты, образованные по модели предмет → человек, называют преимущественно духовные качества человека, особенности его характера и поведения, и в отличие от других языков в латыни гораздо в меньшей степени встречаются метафорические переносы, характеризующие человека по внешним данным (ср.: *sēmīcīpa* 'полбочки, *шутл.* пузан');

- наименования частей тела → человек: *auris* '1) ухо, 2) образованный слушатель'; *bucca* '1) щека, 2) крикун, болтун, 3) приживальщик, лизоблюд'; *corculum* '1) сердечко, 2) умница, разумный'; *maxilla* '1) челюсть, 2) хлебные спекулянты'; *cunnus* '1) женский половой орган, 2) проститутка, блудница' и пр.;

- наименования профессий человека → человек, обладающий определенными морально-психологическими признаками, качествами: *īnstitōr* '1) мелкий торговец, разносчик, 2) выставляющий на показ, бахвал'; *scholasticus* '1) ритор, учитель красноречия, 2) буквоед, ученый дурак'; *vēndītōr* '1) продавец, 2) предатель'; *aestimātor* '1) оценщик (зерна), 2) ценитель, человек с большим самомнением'; *largītōr* '1) щедрый даритель, даятель, жертвователь, 2) дающий взятки, мзодатель'; *scaenicus* '1) актер, 2) *презрп.* притворщик, кривляка'; *histrīo* '1) актер, 2) трагик, 3) хвостун, шарлатан'; *fossor* '1) землекоп, 2) рудокоп, 3) неученый человек, 4) развратник' и др. Данная группа номинаций лица интересна тем, что переносные наименования (преимущественно негативно-оценочные) основаны на актуализации глубинных ассоциативных смыслов, заложенных в первичной семантике. Тем самым вторичное ЛЗ позволяет не только сделать вывод о порицаемых качествах, свойствах человека (например, глупость, притворство, нечестность, хвастовство и пр.), но и выявить те имплицитные (национально-специфические) признаки, которые были заложены в первичной семантике, но никак не выводились из словарной дефиниции. Это представляется чрезвычайно важным и ценным для описания АЯКМ;

- термины родства → человек: *patruus* '1) дядя по отцу, 2) строгий блюститель нравов'; *filiola* '1) дочка, дочурка, 2) женственный, изнеженный человек, маменькин сынок'; *nepōs* '1) внук, 2) кутила, мот, расточитель' и пр.;

- наименования растений → человек: *filix* '1) папоротник, 2) сорняк, негодный человек, ничтожество'; *fungus* '1) гриб, 2) дурень'; *piper* 'перец; кипучая натура'; *cucurbita* '1) тыква, 2) бестолковый человек' и пр.;

- наименования болезней → человек: *carcinoma* '1) раковая опухоль, рак, 2) *бран.* язва, отпетый негодяй' и пр.;

• ментально-речевое действие → человек: *nūgae* ‘1) пустяки, вздор, шутки, 2) ветрогон, пустомеля, болтун, несерьезный человек’ и пр.;

в) эмоциональную окраску приобретают выражения фразеологизированного типа. Номинациями человека в данном случае выступают метафорически переосмысленные сочетания слов. Например, *ulmorum Acheruns* ‘могила вязовых прутьев, т. е. негодяй, о которого было обломано немало палок’; *barathrum macelli* ‘обжора’ (букв. гибель продовольствия); *fēnum esse* (= *ēdēre*) ‘быть глупцом’ (букв. питаться сеном); *homo non nauci* ‘никчемный человек, бездельник’ (букв. человек без скорлупы); *virgarum lascivia* ‘вечно избиваемый человек’ (букв. веселье розг); *gymnasium flagri* ‘человек, которого постоянно бьют’ (букв. школа плети); *scopae solutae* ‘растрепанная метелка (о нелепом, никчемном человеке)’; *homo emunctus* ‘тонкий человек, умница’ (букв. высморкавшийся человек). В данных примерах ведущей моделью семантического переосмысления оказывается артефактная метафора, ключевые же смыслы, эксплицируемые подобными выражениями, – это глупый, негодный человек, поведение которого социально осуждается.

Таким образом, эти и многие другие экспрессивные лексические единицы не просто характеризуют человека, но и оценивают его с точки зрения определенной социальной нормы. Эту норму образуют положительные наименования людей, поэтому таких слов гораздо меньше (норма и не должна быть разветвленной и дифференцированной, это точка отсчета). Слов же с негативной оценочностью намного больше, семантика их сложнее, отношения и связи между ними богаче. Наиболее многочисленными, детально разработанными в латинском словаре являются наименования ленивых, глупых, болтливых, развратных, лживых, негодных людей. Львиную долю качественных наименований лица составляют характеристики его душевных качеств, характера и поведения, что свидетельствует о высоких морально-нравственных требованиях, предъявляемых к человеку в античном социуме.

Список литературы

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Лукьянова Н. А. О соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность» и «оценочность» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / Под ред. К. А. Тимофеева. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 3–21.

Лукьянова Н. А. Образные и экспрессивные номинации как репрезентанты картины мира и ментальности носителей русских сибирских говоров в период их первоначального формирования (по материалам «Словаря русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» Л. Г. Панина) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 11–20.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигмах современной русистики // *Ars philologica: рассуждения о языке и тексте: Сб. ст.* Новосибирск, 2008. С. 5–33.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблема семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / Т. А. Графова, О. В. Латина, Н. А. Лукьянова, В. А. Маслова, И. И. Сандомирская, В. Н. Телия, А. М. Шахнарович; под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 157–179.

Сандомирская И. И. Эмотивный компонент в значении глагола // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / Т. А. Графова, О. В. Латина, Н. А. Лукьянова, В. А. Маслова, И. И. Сандомирская, В. Н. Телия, А. М. Шахнарович; под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 114–136.

Трипольская Т. А. Семантическая структура экспрессивного слова и ее лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): Дис ... канд. филол. наук. Томск, 1985. 226 с.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 437 с.

Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: Коллект. моногр. / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. К. Постовалова,

В. Н. Телия, А. А. Уфимцева; под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 108–140.

Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1983. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии. С. 23–61.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 192 с.

Материал поступил в редколлегию 18.03.2012

M. P. Alekseeva, E. G. Basalaeva

**POSITION AND ROLE OF EXPRESSIVE UNITS
IN STRUCTURING A MICROSYSTEM OF ANTHROPNOMS
(ON THE MATERIAL OF LATIN)**

The article describes the expressive lexical units, involved in a microsystem of anthroponyms in Latin language. The authors analyzed the structural and semantic features of person nomination and highlighted some national specifics.

Keywords: anthroponyms, expressive lexics, seme- and semantic word structure, connotation, metaphor, hyper and hyponymic relationships, antique language picture of world.